

Глава 15

— Хорошо, как наш Фэйфэй скажет, так и будет. Поедем все вместе, — Линь Гошэн с улыбкой наблюдал за развернувшейся перед ним сценой.

Взяв Фэйфэя за руки — с одной стороны он, с другой Ян Юйин, — они втроём, после недолгих сборов, сели в машину.

Старый друг, к которому Линь Гошэн собирался отвезти Фэйфэя, носил фамилию Чу. Он был на несколько лет старше Линь Гошэна, ему уже исполнилось почти семьдесят. Семьи Чу и Линь связывала многолетняя дружба. В молодости Линь Гошэна, когда семья Линь переживала упадок, именно этот старый друг, вопреки всеобщему мнению, поддержал его силой своего рода.

Поэтому, когда корпорация «Линь» под руководством Линь Гошэна преодолела трудности, окрепла и начала расширяться, обе семьи наладили тесное деловое сотрудничество.

Вот только жаль, что его старому другу, в отличие от него самого, не повезло с преемниками. У него родились двое сыновей и дочь, но один оказался непутёвее другого.

Младшая дочь и вовсе сбежала с кем-то и до сих пор не подавала о себе вестей.

Из-за этого господин Чу, несмотря на свой преклонный возраст, предпочитал нанимать профессионального управляющего и лично контролировать его работу, не желая передавать огромное семейное дело в руки сыновей.

При мысли об этом Линь Гошэн, сидевший в машине, невольно вздохнул. Подумать только, его старый друг Чу всю жизнь был таким мудрым и дальновидным, а на старости лет столкнулся с такой дилеммой. Он даже умереть спокойно не мог, боясь оставить своё наследие, и продолжал цепляться за жизнь.

Внезапный вздох бабушки озадачил Фэйфэя. Он посмотрел на Линь Гошэна, затем на фруктовую карамель, которую уже много дней носил в своём маленьком кармашке.

— Дедушка, съешь конфетку, — малыш протянул свою короткую ручку и, перегнувшись через детское автокресло, изо всех сил попытался положить очищенную конфету в рот Линь Гошэна.

Голос внука вернул Линь Гошэна к реальности. Увидев, как тот старательно тянется, хотя и не достаёт, он поспешно наклонился вперёд и принял угощение.

Неизвестно, было ли это самовнушением, но каждый раз, когда внук давал ему что-нибудь, еда казалась Линь Гошэну необыкновенно вкусной, и даже настроение поднималось.

Эти сладости малыш прятал по несколько дней и сам не ел. Всякий раз, когда кому-то из семьи Линь доставалось угощение от Фэйфэя, тот с гордостью поглядывал на остальных. Это наверняка означало, что он очень важен для Фэйфэя, раз тот делился с ним своими сокровищами, которые так долго берёг.

Разве не заметно, что малыш каждый раз угощает только одного или двух человек, а остальным ничего не достаётся?

Возможно, именно под влиянием этих эмоций угощения от малыша становились особенно вкусными и поднимали настроение.

Однажды Линь Хань даже хотел сохранить конфету на память, но Фэйфэй лично проследил, чтобы он её съел, и только тогда остался доволен.

Заметив, что внук угостил только Линь Гошэна, а ей ничего не дал, Ян Юйин немного обиделась. Однако она не стала придирается к малышу, который ещё ничего не понимал, а просто всю дорогу хмуро смотрела на мужа. Это продолжалось до тех пор, пока машина семьи Линь не въехала на территорию поместья Чу и все не вышли из неё.

Господин Чу, которому заранее позвонили, вышел встречать гостей, как только их машина показалась во дворе. Он увидел, как Линь Гошэн достаёт из детского кресла маленького, словно выточенного из нефрита, ребёнка.

Поскольку семья Чу была очень близка к семье Линь, господин Чу, хоть и не знал всех подробностей, всё же кое-что слышал о ситуации Фэйфэя, которую Линь Сынянь так тщательно скрывал.

Подойдя ближе, он внимательно рассмотрел малыша на руках Линь Гошэна и с улыбкой произнёс:

— Должно быть, это сын Сыняня? Какой красавец.

Линь Гошэн кивнул и представил внука:

— Фэйфэй, это дедушка Чу. Поздоровайся с дедушкой Чу.

— Здравствуйте, дедушка Чу, — послушно поприветствовал малыш.

Господин Чу кивнул в ответ.

— И тебе здравствуй. Тебя ведь Фэйфэй зовут? — спросил он уже у Линь Гошэна, и тот подтвердил.

Слова господина Чу о красоте Фэйфэя не были преувеличением. Особенно выделялись его глаза, от природы смеющиеся. Каждый раз, когда он смотрел на кого-то своими круглыми, влажными и большими глазами, его взгляд, ещё до того, как он успевал что-то сказать, уже лучился сладкой, как конфета, радостью, отчего на сердце становилось легко и весело.

Всего за несколько мгновений господин Чу проникся к нему симпатией и уже собирался снять со своего запястья буддийские чётки из сандалового дерева, чтобы подарить малышу в качестве приветственного подарка.

Линь Гошэн поспешно остановил его:

— Старый друг, ребёнок ещё мал. Эта вещь слишком ценная, оставь её себе.

Но господин Чу был щедр.

— Мне просто малыш пришёлся по душе, — махнул он рукой. — Всё это — вещи преходящие. Подарил, и дело с концом. У меня всё равно больше ничего с собой нет. Не трость же ему дарить?

Характером господин Чу чем-то напоминал Линь Сыняня: оба придерживались принципа «за то, что нравится, никаких денег не жалко».

Услышав это, Линь Гошэн больше не стал возражать. Он посмотрел, как малыш держит в руках тяжёлые и крупные чётки, которые не налезали ни на руку, ни на шею, и попросил Ян Юйин пока убрать их.

Все они были старыми знакомыми, так что в провожатых не нуждались. Линь Гошэн и господин Чу бодро зашагали рядом, а Ян Юйин следовала за ними.

Несмотря на трость, господин Чу выглядел весьма крепким. Ногу он повредил в молодости, когда на него коварно напали. В остальном же его здоровье было отменным, и он ничуть не уступал Линь Гошэну, который был на несколько лет моложе.

По пути господин Чу обратился к Фэйфэю:

— У меня тут есть старший братик, он с тобой поиграет.

Тут Линь Гошэн вспомнил:

— Если посчитать, то они почти ровесники. Должны поладить.

Линь Гошэн говорил о внуке господина Чу, Чу Сяохане, сыне его старшего сына. Ему было четыре года, и сейчас его воспитывал лично дед.

Сегодня Линь Гошэн приехал с Фэйфэем, отчасти потому что хотел найти ему надёжного ровесника для игр. А то у малыша совсем не было сверстников, и ему, должно быть, одиноко.

Войдя в гостиную, Фэйфэй, которого уже спустили на пол и который держал дедушку за руку, вдруг увидел мальчика примерно своего возраста, лишь на лоб повыше.

Фэйфэй впервые видел ребёнка, так похожего на него. До этого даже самый младший из его окружения, Линь Хань, был уже подростком.

Поэтому Фэйфэй задержал на мальчике взгляд чуть дольше обычного.

Мальчик сидел на диване и смотрел видео на английском языке. Заметив вошедших, он слез с дивана и подошёл к ним.

Он, очевидно, знал Линь Гошэна и Ян Юйин и вежливо поздоровался со старшими. Он также заметил стоявшего неподалёку Фэйфэя.

— Это Фэйфэй, младший внук дедушки Линя. Поиграй с ним, — представил его господин Чу, указывая на малыша, и тут же дал внуку поручение.

Мальчиком был Чу Сяохань, внук господина Чу. Хотя он был всего на год старше Фэйфэя, выглядел он гораздо серьёзнее.

Странно было видеть такую рассудительность в четырёхлетнем ребёнке. Отчасти это было связано с его характером, отчасти — с целенаправленным воспитанием господина Чу.

Поговорив с Чу Сяоханем, господин Чу наклонился к Фэйфэю и спросил:

— Фэйфэй, хочешь пойти поиграть с братиком?

Малыш, всё ещё с любопытством разглядывавший Чу Сяоханя, не отказался. Он кивнул и сам взял старшего мальчика за руку:

— Да.

Чу Сяохань, чью руку внезапно взяли, почувствовал себя немного неловко. Он пошевелил ладонью, но в итоге так и не высвободил её.

Видя, что дети вроде бы поладили, Линь Гошэн и господин Чу успокоились. Господин Чу даже специально попросил дворецкого присмотреть за детьми: не мешать им, но и не оставлять без присмотра.

Чу Сяохань, видя, что у бабушки и господина Линя, похоже, намечается разговор, сам увёл Фэйфэй из гостиной наверх, в свою комнату.

Малыш был беззаботен. Видя, что бабушка спокоен, он тоже со спокойной душой пошёл за ручку с новым старшим братом.

Ян Юйин знала, что эти двое, собравшись вместе, засядут за шахматы и выпивку на несколько часов, поэтому, как у себя дома, направилась на кухню, чтобы приготовить им закуски к выпивке.

Готовка была её страстью, которую она не оставляла, где бы ни находилась. Если ей доводилось попробовать где-то необычное и вкусное блюдо, она после еды непременно просила разрешения зайти на кухню, чтобы обменяться опытом с поваром.

— Сыграем партию? — улыбнулся господин Чу, когда в гостиной остались только они вдвоём, и сел за уже подготовленную шахматную доску.

— Сыграем, — Линь Гошэн тоже подошёл и сел напротив.

Они взяли в руки чёрные и белые камни и без лишних слов начали сражение.

Внизу развернулась безмолвная «война», а наверху Фэйфэй под руководством Чу Сяоханя осматривал его комнату.

В комнате Чу Сяоханя было множество книг. Целый стеллаж был заставлен книгами с пиньинем и без, а также различными иллюстрированными изданиями. На соседней полке стояли всевозможные развивающие игрушки.

— Как много книг, — сказал Фэйфэй, стоя у стеллажа и прикидывая свой рост. Даже встав на цыпочки, он вряд ли дотянулся бы до второй полки.

Чу Сяохань, заметив это, подумал, что тот хочет почитать, и спросил:

— Какую ты хочешь? Я тебе достану.

Малыш посмотрел на свой рост, потом на рост Чу Сяоханя и покачал головой:

— Очень высоко, не достать.

Он действительно заприметил наверху одну красочную книжку с картинками, но понимал, что не дотянется. Старший братик, наверное, тоже не достанет, ведь он всего лишь немного выше.

Чу Сяохань проследил за его взглядом, понял, какую книгу тот хочет, и, развернувшись, притащил от окна небольшую стремянку. Он разложил её, установил и полез наверх.

Дворецкий, наблюдавший за ними, не стал его останавливать. Лестница, очевидно, была предназначена специально для Чу Сяоханя.

Стремянка, вероятно, была сделана из особого лёгкого материала, но всё же не настолько, чтобы четырёхлетний ребёнок мог легко её передвигать.

Забравшись наверх, Чу Сяохань указал на книгу, которую разглядывал Фэйфэй, и уточнил:

— Эту?

Взгляд малыша, устремлённый на Чу Сяоханя, уже был полон восхищения, и он совсем забыл о книге.

— Братик, как ты туда залез? Ты такой молодец! Можно мне тоже попробовать?

Хотя Фэйфэй в семье Линь баловали и носили на руках, как снежный комочек, и его ноги почти не касались земли, в нём, как и в любом мальчишке, жил ген скалолазания. К тому же, до того как стать человеком, он был маленьким мифическим зверем с четырьмя лапками.

Чу Сяохань снял книгу, но пресёк его фантазии:

— Ты никогда не лазил, упадёшь — будет очень больно.

Видя, что малыш всё ещё не теряет надежды и пытается подобраться к стремянке, Чу Сяохань опередил его и сложил лестницу.

Увидев, что стремянки больше нет, Фэйфэй с сожалением бросил на неё ещё пару взглядов и, больше не упоминая о желании полазить, сосредоточился на книге, которую они вместе с Чу Сяоханем начали листать.

Странно, но эта иллюстрированная книга, хоть и была яркой, совсем не казалась детской. Она была скорее реалистичной.

В ней было всё: от предметов быта до семян и сельскохозяйственных культур.

Многое из этого Фэйфэй видел впервые и с большим интересом рассматривал картинки.

Чу Сяохань уже давно прочёл эту книгу. У него была привычка ставить прочитанные книги наверх, а те, что он собирался читать или ещё не дочитал, — на первую полку.

Но ради Фэйфэя он терпеливо пролистал книгу ещё раз.

Малыш не знал ни иероглифов, ни пиньиня. Когда он показывал своим маленьким пухлым пальчиком на картинку и спрашивал, что это, Чу Сяохань терпеливо отвечал.

Внизу партия в го между Линь Гошэном и господином Чу зашла в тупик. Они долго обдумывали каждый ход. Не торопясь, старики играли и вели неспешную беседу.

Оба были уже на пенсии, один полностью, другой — частично. Разговоры их были о пустяках и домашних делах, пока, наконец, господин Чу не сменил тему:

— Гошэн, я сегодня снова задам тебе вопрос, который задавал раньше: у тебя всё ещё есть что-то, что держит тебя здесь?

Линь Гошэн, державший в руке белый камень и размышлявший над ходом, внезапно замер. После долгого молчания он ответил:

— Сначала — нет. Цзинли и Сынянь уже выросли. Цзинли сейчас в компании справляется даже лучше, чем я в его годы. За их братские отношения я никогда не переживал. А у остальных внуков своя судьба, я не могу всё контролировать. Юйин... Цзинли и Сынянь — почтительные дети. Если бы не отец, который перед смертью схватил меня за одежду и, не в силах закрыть глаза, заставил поклясться, что я буду беречь семью Линь, я бы давно не выдержал...

— А сейчас? — спросил старый друг. Такие перемены не скроешь. Возможно, Линь Гошэн переосмыслил всё, а может, прожив столько лет, обрёл полную ясность. Его душевное состояние было совершенно иным.

Линь Гошэн, услышав это, подумал о своём избалованном внуке, который после нескольких шагов уже просился на руки, и покачал головой.

— Теперь не могу. Теперь я хочу прожить ещё как минимум лет двадцать. Хочу увидеть, как Фэйфэй вырастет.

<http://bllate.org/book/13654/1583553>